

УДК 811.161.1'367.332
ББК 81.2Рус-2

А.Ф. Пантелеев

**КОНКРЕТНОЕ
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ
БЕЗ ПРЕДЛОГА
В ФУНКЦИИ НОСИТЕЛЯ
ВТОРИЧНОЙ ИМЕННОЙ
ПРЕДИКАЦИИ**

Статья посвящена анализу полипропозитивных простых предложений с беспредложными словоформами конкретных имен существительных в роли носителей свернутой пропозиции и вторичной именной предикации. Исследование способов актуализации пропозитивного значения в конструкциях с конкретными именами без предлогов позволило установить, что к числу средств актуализации пропозитивной семантики относятся микро- и макроконтэкст, семантика основного предиката, сочинительная связь между абстрактным и конкретным существительным, фоновые знания говорящих.

Ключевые слова: *пропозиция, вторичная предикация, процессуальность конкретного имени, элиминация.*

Пантелеев Андрей Феликсович – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и теории языка Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8 (863) 2404538
E-mail: af3@yandex.ru

В современной лингвистике важное место занимает проблема изучения конструкций с вторичной предикацией и средств выражения предикативного значения. Особое место уделяется «неэлементарным» простым предложениям [Черемисина, Колосова] с абстрактными именами существительными, выступающими в функции носителей пропозитивного значения, «второго» сообщения в предложении, являющемся простым с точки зрения традиционной грамматики. Абстрактное существительное – девербатив, т.е. любое существительное, образованное от глагольного корня [Адамец], признается наиболее типичным средством выражения вторичной предикации в полипропозитивном простом предложении, наряду с инфинитивом в роли носителя «второго» сообщения.

Однако в трудах сторонников коммуникативно-функционального направления в лингвистике отмечается возможность выражения пропозитивного значения конкретным существительным при элиминации имени с процессуальной семантикой [Золотова и др.].

Беспредложные падежные словоформы абстрактных имен, как отмечается в лингвистике, представляют собой относительно небольшой объем в сравнении с предложно-падежными словоформами отвлеченных имен – носителями пропозитивного значения [Золотова и др.; Пантелеев, с. 104–112]. Та же закономерность наблюдается и в использовании конкретных существитель-

ных в функции средств выражения вторичной именной предикации в «неэлементарном» простом предложении. Их предложно-падежные словоформы употребляются гораздо чаще, однако следует отметить, что использование конкретного имени без предлога в функции носителя «второго» сообщения имеет достаточно регулярный характер в языке художественной литературы, публицистики и разговорной речи.

Анализируя беспредложные словоформы конкретных имен, используемых в функции носителей вторичной предикации, следует отметить, что наиболее активно среди них употребляются конкретные существительные в форме родительного падежа, ср.: *«Только не замерзнуть на этой дороге, дожждаться рассвета и первой машины»* (В. Быков. Дожить до рассвета). Семантика основного предиката актуализирует у зависимых словоформ процессуальное значение, поскольку глагол «дожждаться» предполагает наличие какой-то предполагаемой ситуации, ожидаемого действия, отнесенного в план будущего. При этом словоформа «машины» не имеет в своем значении семы процесса, однако эллиптически обозначает пропозицию, поскольку «машина» — объект движущийся, ср.: *«Только не замерзнуть на этой дороге, дожждаться, когда рассветет и появится первая машина»*. Помимо сложноподчиненного предложения с изъяснительными однородными придаточными, синонимичным анализируемой конструкции, является простое «неэлементарное» предложение с эксплицированным абстрактным существительным. Ср.: *«Только не замерзнуть на этой дороге, дожждаться рассвета и появления первой машины»*. В данных конструкциях ситуация уже полностью обозначена, в отличие от предложения с конкретным именем, где обозначено само наличие ситуации в рамках словоформы «машины». Это вновь подтверждает мысль о том, что конструкции с конкретными именами более тесно связаны с контекстом, конституцией, фоновыми знаниями говорящих по сравнению с абстрактными именами и развернутыми глагольными аналогами.

В анализируемом предложении в качестве средства актуализации пропозитивного значения конкретного имени выступает также употребление в ряду однородных членов абстрактного и конкретного существительных. Данный дополнительный способ актуализации процессуальности в рамках вторичной именной предикации довольно распространен в языке. Сказуемое «дожждаться» управляет двумя дополнениями в форме род. пад. без предлога; наличие пропозитивного значения у первой из однородных синтаксем подчеркивает имплицитно выраженную процессуальность второй синтаксемы. Кроме того, существительное «машина» обозначает предмет, который относится к движущимся объектам, способным появляться и исчезать из поля зрения адресанта, изменять положение в пространстве. Сравните: «появление автобуса, поезда, самолета».

Семантика основного предиката является главным средством актуализации пропозитивного значения подобных синтаксем, ср.: «*В ян-варе, когда Олег добивался больницы, визжащие, подсакивающие и перенабитые людьми трамваи замотали его*» (А. Солженицын. Раковый корпус). Конкретное существительное «больница» в форме род. пад. без предлога в данном предложении выступает в качестве носителя имплицитно выраженной пропозиции. На наличие процессуального значения у конкретного имени указывает семантика глагола — сказуемого «добивался», подразумевающего осуществление какой-либо цели, совершение некоего события, которое не названо, но имплицитно обозначено в беспредложной словоформе конкретного имени, ср.: «*Олег добивался возможности работать (лечиться, лечь, практиковаться) в больнице*». Очевидно, что словоформа конкретного имени подразумевает наличие определенного факта, ситуации, связанной с конкретным предметом «больница», существующим в сознании говорящего представлении о комплексе процессов, связанных с данным фреймом.

Глагол «добиваться» может сочетаться и с предметными (конкретными) именами, обозначающими какие-то блага, ср.: «добиваться квартиры, машины и т.д.». В этом случае существительные эксплицируют одновременно и семантику отглагольного событийного имени: «добиваться получения чего-либо». При этом событие направлено в будущее. Промежуточное же событие «получение» выражено имплицитно: «Раз добивался квартиры, то, значит, добивался ее получения».

В функции носителей вторичной именной предикации выступают также беспредложные словоформы конкретных существительных в вин. пад., ср.: «*Ему предлагают Кисловодск и что хотите, а он сидит в Москве и пишет книгу*» (В. Панова. Сентиментальный роман). Конкретное существительное «Кисловодск» в данном предложении эллиптически выражает свернутую пропозицию, имеющую значение «лечение», «поездка куда-то», на что указывает и семантика основного предиката «предлагают», и употребление в качестве управляемого глаголом-сказуемым компонента имени собственного. Данному предложению синонимично СПП с изъяснительным придаточным, ср.: «*Ему предлагают, чтобы он поехал в Кисловодск,...*».

Нужно отметить, что в приведенном выше предложении свою роль в актуализации процессуального значения у конкретного имени выполняет и ближайший контекст, а именно вторая часть СПП, связанная с первой частью противительными отношениями. Ср.: «*Ему предлагают Кисловодск..., а он сидит в Москве...*». Действие глагола-сказуемого второй части противопоставлено элиминированной ситуации в первом простом предложении, ср.: «*Предлагают (?) Кисловодск, а он сидит в Москве...*». Следовательно, словоформа «Кисловодск» является носителем пропозиции, связанной с обозначением процесса перемещения в этот город. Элиминация девербатива не влечет за собой сдвига на семантическом уровне, семантика вторичной предика-

ции, выраженной конкретным существительным, понятна носителю языка без привлечения более широкого контекста.

Проведенный нами анализ показывает, что конструкции с беспредложным конкретным существительным в форме род. пад. и вин. пад. синонимичны по значению изъяснительным придаточным в СПП, ср.: *«Вечером другого дня я услышал Васину скрипку»* (В. Астафьев. Последний поклон). Конкретное имя в форме вин. пад. эллиптически выражает пропозицию, наличие которой актуализируется семантикой основного предиката, подразумевающего наличие определенного процесса, а не конкретного предмета. Данное полипропозитивное простое предложение синонимично следующему СПП, ср.: *«Вечером другого дня я услышал, как звучит Васина скрипка»*. Таким образом, конкретное имя эллиптически обозначает процесс, связанный со звучанием конкретного предмета — скрипки. Свое эксплицитное выражение данный процесс получает в изъяснительном придаточном предложении на уровне СПП.

Таким образом, важную роль играет соотношение семантики глагола и имени. Глагол, его семантика определяет временную направленность сочетания с именем.

Семантика же имени предполагает существование в когнициях говорящего представления о динамике, движении объекта или стремлении субъекта принять участие в изменении своего психического или физического состояния, иногда своего материального имущественного положения.

Можно сказать, что семантика существительного, как правило, определяет его способность к сложной номинации — предметной и процессуальной, выраженной в последнем случае и определяемой во многом конситуацией, соотношением семантики активного действия — процесса в глаголе и семантики существительного как желаемого результата этого действия. Означивание же промежуточного действия, необходимого для получения результата, представлено имплицитно, ср.: *«дождаться (приезда) машины»*.

Кроме того, в когнициях говорящего существуют органические связи «звучание ↔ источник звучания». При этом именование второго конвенционально используется как совмещающее эти два значения, ср.: «услышать скрипку». Глагол «услышать» актуализирует в слове «скрипка» сему звучания. «Скрипка» не только предмет, это еще и источник звучания, так же, как любой музыкальный инструмент или живое существо, ср.: *«услышал отца»*.

Экономии речи служат и особенности семантики концептов именования объектов, за которыми закреплен когнитивный признак звучания. Необязательность экспликации процесса получения результата при именовании самого результата лежит также уже в когнициях говорящего, его стремлении к экономии речевых и мыслительных усилий.

Таким образом, возможность экономии объясняется тем, что в семантике концептов существительного часто заложены не только предметное значение, но и функции данного предмета (движение, звучание и т.п.), его назначение.

Функциональное же значение, заложенное в семантической структуре существительного, актуализируется контекстом, сочетаемостью и не нуждается в эксплицитном, дополнительном словесном выражении («нож для хлеба», т.е. для резки хлеба), хотя оно и возможно.

Конкретное дополнение при глаголе часто представляет собой пропозицию, для заполнения которой следует заполнить семантическую лауну, ср.: «услышать звучание скрипки».

Как известно, эллипсис не представляет собой отрицательного явления. «Эллипсис... не "порок структуры", а рациональная ее модификация в целях достижения большего коммуникативного эффекта» [Ильенко, с. 31–32]. Этой же цели служит и эллипсис глагольного компонента при наличии в семантике предметного существительного семы действия или процесса, актуализируемой микроконтекстом его употребления и выражаемого имплицитно. Таковы семы движения в словах «машина, поезд, автобус» и т.п., семы звучания в именах «скрипка, виолончель» и т.п. Все это порождает возможности синонимии предложений.

В текстах художественной литературы и публицистики можно встретить также случаи употребления в функции носителей вторичной именной предикации беспредложных конкретных имен в форме творительного падежа. Подобные конструкции имеют ярко выраженный темпоральный характер, ср.: «*Бабочка еще куколкой начинает свою жизнедеятельность*» (ГЕО, 2002, № 3). Основной предикат обозначает в данном предложении действие субъекта, состояние которого выражено словоформой «куколкой», ср.: «*Еще будучи куколкой, бабочка начинает свою жизнедеятельность*». Налицо неопределенный характер действия, состояния, эллиптически представленного в свернутой предикации.

При этом между основным действием и действием «второго» сообщения в предложениях с конкретным именем в форме твор. и род. пад. устанавливается тесная временная связь, действие вторичной именной предикации определяет временные рамки действия основного предиката, ср.: «*Я гимназистом ушел из дому*» (В. Панова. Сентиментальный роман). Словоформа конкретного имени в твор. пад. эллиптически выражает свернутую пропозицию, действие которой находится в отношениях одновременности с действием основного предиката. Данному предложению синонимично СПП с обстоятельственным придаточным времени, ср.: «*Когда я был гимназистом, то ушел из дому*»; или: «*Я ушел из дому, когда был гимназистом*». Таким образом, можно сказать, что временная семантика типична для конкретных имен в функции носителей вторичной именной предикации. Средством же актуализации процессуального, пропозитивного значения у подобных

синтаксисом является семантика сказуемого и лексическое содержание предложения в целом.

Однако следует отметить, что беспредложные словоформы конкретных и собирательных имен в творительном падеже могут быть синонимичны как носители вторичной предикации не только обстоятельственным, но и изъяснительным придаточным, ср.: «— *Ну уж посудой извольте озаботиться, — крикнул с места Хмелев*» (Д. Быков. Орфография). Словоформа «посудой» эллиптически обозначает ситуацию, связанную с основным фактом «извольте озаботиться». На наличие «второго» сообщения в предложении указывает семантика глагола — сказуемого. Данному полипропозитивному простому предложению синонимично сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным, ср.: «*Ну уж извольте озаботиться тем, чтобы достать (привезти, подготовить и т.п.) посуду*». Как видим, без привлечения более широкого контекста невозможно эксплицировать пропозицию, имплицитно представленную словоформой «посуда», что связано с большей степенью сжатия, компрессии высказывания, характерной для конструкций с конкретными именами. Однако само наличие пропозитивного значения, ситуации, связанной с объектом «посуда», представляется нам бесспорным.

Нужно сказать, что в подобных простых предложениях устанавливается присловная связь между глаголом-сказуемым и конкретным существительным при элиминации имени действия, девербатива, ср.: «*озаботиться (чем?) приобретением посуды — озаботиться (чем?) посудой*». Как видно на примере данных сочетаний, конкретное имя выступает в форме творительного падежа именно вследствие элиминации абстрактного имени в творительном падеже. В тех же случаях, когда словоформа конкретного имени в творительном падеже без предлога синонимична обстоятельному придаточному времени, о присловной зависимости говорить нельзя. Ср.: «*Юношей он служил в губернском земстве и проповедовал среди помещичьих сыновей, сельских учителей и молодых священников совершеннейшее вольтерьянство и чаадаевщину*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба). Словоформа «юношей» является присоставным распространителем, формально не связанным ни с какой другой словоформой, как и ранее рассмотренные нами примеры «куколкой», «гимназистом». Подобные словоформы выступают, как правило, в препозиции по отношению ко всему составу простого предложения, что также актуализирует их присоставный характер как носителей темпоральной семантики.

Говоря о процессуальности конкретного существительного без предлога, особо следует остановиться на употреблении в функции носителей вторичной именной предикации конкретных имен в форме именительного падежа. Случаи подобного употребления достаточно редки, но все же имеют место в художественной литературе и публицистике, ср.: «*Здесь, в подвале, особенно слышны были эти двери*» (В. Быков. Сотников). Семантика основного предиката актуализирует

наличие процессуального значения у конкретного существительного «двери». Очевидно, что конкретное имя в данном предложении обозначает не собственно предмет, а процесс, связанный с этим предметом и воспринимаемый органами слуха, ср.: *«Здесь, в подвале, особенно слышно было, как стучат (скрипят, грохочут и т.д.) эти двери»*. Эксплицируется же свернутая пропозиция при помощи ближайшего контекста, ср.: *«Здесь, в подвале, особенно слышны были эти двери. Временами от их громкого стука даже сыпалось с потолка»* (В. Быков. Сотников).

Глагол «слышать» относится к группе глаголов слухового восприятия, которые, по мнению Л.М. Васильева, в большинстве своем требуют зависимой падежной формы со значением объекта восприятия: «Объектную позицию в конструкциях с глаголами слухового восприятия занимают, как правило, названия звуков или их источников, в том числе звуков речи» [Васильев, с. 66]. В анализируемом выше предложении конкретное имя «двери» выступает в качестве объекта — источника звуков при имплицитном выражении самой пропозиции «громкий стук».

В подобных предложениях усиливается роль дополнительных средств актуализации пропозитивности конкретного имени при элиминации имени действия, ср.: *«Приезд генерала, и лопатка, и прибытие этих людей — все имело прямое отношение к разыскиваемому их группой уже двенадцатые сутки передатчику»* (В. Богомолов. Момент истины). Конкретное существительное «лопатка» в данном предложении эллиптически выражает свернутую пропозицию, некий факт реальной действительности, связанный отношениями перечисления с фактами «приезд» и «прибытие». Употребление конкретного имени в ряду однородных членов с абстрактными существительными, имеющими процессуальное значение, актуализирует наличие пропозитивной семантики и у существительного «лопатка». Очевидно, что конкретное имя обозначает какую-то ситуацию, которая тоже, как и «приезд генерала», «прибытие этих людей», имеет отношение к розыску передатчика. Однако для экспликации пропозиции рамок одного предложения недостаточно. В данном случае необходимо привлечение макроконтраста, при помощи которого можно восполнить пробел, вызванный элиминацией имени действия. Лопатка, которую долго и безуспешно искал лейтенант Блинов, помогла бы, в случае ее обнаружения, быстрой поимке немецких агентов. Следовательно, развернутый вариант анализируемой конструкции можно представить следующим образом, ср.: *«Приезд генерала, и лопатка, которую Блинов не нашел (не найденная Блиновым), и прибытие этих людей — все имело прямое отношение к разыскиваемому их группой уже двенадцатые сутки передатчику»*.

Таким образом, можно сказать, что конкретные существительные без предлога, выступающие в функции носителей вторичной именной предикации, испытывают более тесную связь с контекстом, конситуа-

цией, фоновыми знаниями говорящих в сравнении с использованными в этой функции предложно-надежными словоформами конкретных имен. Основным средством актуализации пропозитивного значения конкретного имени выступает семантика предиката полипропозитивного простого предложения. Однако активно используются средства микро- и макроконтраста, конструкции с однородными членами предложения — абстрактным и конкретным существительным.

Литература

Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Филол. науки. 1973. № 4.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М., 1981.

Золотова Г.А., Ошпенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурная природа сложного предложения и его антропоцентрическая потенция // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц. Новосибирск, 2008, с. 31-37.

Пантелеев А.Ф. О вторичной именной предикации и событийности конкретного существительного // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания. Ростов н/Д., 2001. С. 104 — 112.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.